

Научная статья**УДК 343****DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154**

Использование методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе

Елена Владимировна Пискунова*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация**new_elen@inbox.ru***Аннотация**

Введение. В статье исследуются возможности использования методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе, анализируется понятие современного (эриксоновского и постэриксоновского) гипноза и активации сознания, разбираются методы и принципы этих видов психотерапии и определяются возможности их использования в рамках допроса.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой исследования является синтез психологических и криминалистических знаний: о психологии личности, психологии общения, методах и принципах современного гипноза и активации сознания как инструментах психотерапии, юридической психологии, тактике допроса. Использованы общетеоретические методы анализа, синтеза, сравнения, экстраполяции, моделирования, а также историко-правовые и сравнительно-правовые методы.

Результаты исследования. Проведено сравнение сеанса гипноза и допроса, выделены черты сходства. Определены возможности и ограничения использования в ходе допроса методов и принципов современного гипноза и активации сознания самим следователем. Указаны такие принципы и методы, которые могут быть интегрированы в тактику допроса.

Обсуждение и заключение. Рекомендации по использованию этих методов и принципов требуют дальнейшего обсуждения и апробации на практике. Выделенные принципы и методы современного гипноза и активации сознания могут стать частью профессиональной компетенции следователя в будущем. Выполнение общих рекомендаций по расширению коммуникативных навыков и психологических знаний следователя может повысить эффективность расследования уже в настоящее время.

Ключевые слова: тактика допроса, психология допроса, современный гипноз, эриксоновский гипноз, активация сознания

Для цитирования: Пискунова Е. В. Использование методов и принципов современного гипноза и активации сознания на допросе // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 4. С. 127–154. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154.

Original article

Using Methods and Principles of Modern Hypnosis and Activation of Consciousness During Interrogation

Elena V. Piskunova*Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
For correspondence: new_elen@inbox.ru***Abstract**

Introduction. The article explores the possibilities of using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness during interrogation, analyzes the concept of modern (Ericksonian and post-Ericksonian) hypnosis and activation of consciousness, examines the methods and principles of these types of psychotherapy and determines the possibilities of their use within the framework of interrogation.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study is the synthesis of psychological and forensic knowledge: about personality psychology, communication psychology, methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness as tools of psychotherapy, legal psychology, interrogation tactics. General theoretical methods of analysis, synthesis, comparison, extrapolation, modeling, as well as historical, legal and comparative legal methods were used.

Results. A comparison was made between a hypnosis session and an interrogation session, and similarities were highlighted. The possibilities and limitations of using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness by the investigator himself during interrogation are determined. The principles and methods that can be integrated into interrogation tactics are indicated.

Discussion and Conclusion. Recommendations for the use of these methods and principles require further discussion and testing in practice. The identified principles and methods of modern hypnosis and activation of consciousness may become part of the professional competence of the investigator in the future. Implementation of general recommendations to expand the communication skills and psychological knowledge of the investigator can increase the effectiveness of the investigation already at the present time.

Keywords: interrogation tactics, interrogation psychology, modern hypnosis, Ericksonian hypnosis, consciousness activation

For citation: Piskunova, E. V., 2023. Using methods and principles of modern hypnosis and activation of consciousness during interrogation. *Pravosudie/Justice*, 5(4), pp. 127–154. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.127-154.

Введение

Допрос является одним из самых распространенных следственных действий, без которого не обходится ни одно уголовное дело. Допрос – эффективное средство получения криминалистически значимой информации, а также проверки доказательств, полученных из других источников. Но это следственное действие также является одним из самых сложных: при его

организации и проведении следователь сталкивается с целым рядом проблем тактического и психологического характера [Лаврентьева, Т. В., Попова, В. В., 2019]. В связи с этим междисциплинарное исследование, выполненное на стыке наук криминалистики и психологии и посвященное возможностям использования методов и принципов нового гипноза и активации сознания при допросе, представляется актуальным.

Отправной точкой настоящего исследования стала гипотеза о том, что методы современного гипноза могут быть использованы при допросе для активизации памяти допрашиваемого и получения от него достоверных и более полных показаний.

Идея использования гипноза при расследовании преступлений возникла едва ли не раньше самой науки криминалистики. Иногда ее появление приписывают Гансу Гроссу, стоявшему у истоков формирования как криминалистики, так и юридической психологии. Однако еще раньше, в конце XVIII в. Н. П. Архаров, возглавлявший полицию Москвы, обращался к В. М. Бехтереву, который, используя гипноз, давал заключения о складе характера самых опасных преступников того времени [Смолькова, И. В., 2020, с. 212].

С тех пор эта идея периодически дискутируется в научных кругах и получает различный уровень признания со стороны правоохранительных органов.

Например, в Израиле процедура использования гипноза при расследовании закреплена на законодательном уровне с 1984 г. [Кавалиерис, А., 2009]. Широкая практика использования гипноза для получения полных и достоверных показаний имеется в правоохранительных органах США [Карпенко, О. А., 2018, с. 127], причем в некоторых случаях, при соблюдении определенных условий, такие показания признаются судами в качестве доказательств [Смолькова, И. В., 2020, с. 213–214].

В нашей стране гипноз относят к нетрадиционным методам получения криминалистически значимой информации. У его применения в ходе расследования есть как убежденные противники, так и осторожные сторонники [Черепанов, Г. Г., Шмидт, А. А., 2013]. Показания, полученные таким образом, в любом случае не будут иметь доказательственного значения – только ориентирующее. Гипноз воспринимается скорее как возможность хоть как-то продвинуться в расследовании в отсутствие «нормальных» следов.

В истории использования гипноза при расследовании преступлений нельзя говорить о каком-то устойчивом развитии, это скорее периодические всплески интереса. Однако применение гипноза как терапевтического инструмента – другое дело. В рамках наук психологии и психиатрии методы и принципы гипноза активно развиваются и в настоящее время существенно отличаются от представлений о классическом гипнозе XIX–XX вв. [Евтушенко, В. Г., 2010, с. 8–18]. Многочисленные клинические исследования начала XXI в., соответствующие принципам доказательной медицины, подтверждают, что гипноз помогает улучшить результаты лечения самых разных психосоматических, физических и психических заболеваний [Япко, М., 2013, с. 31–32].

В связи с этим возникает идея о том, что, возможно, новые знания о гипнозе делают его более надежным с точки зрения правоохранительных органов, более приемлемым для содирания доказательственной информации, более эффективным для активизации памяти и, соответственно, для получения полных и достоверных показаний на допросе.

Однако по мере накопления материала мысль об использовании гипноза именно для того, чтобы в ходе допроса докопаться до глубин подсознания и высвободить хранящиеся там достоверные воспоминания, отошла на второй план. Оказалось, что больший интерес для следователя может представлять не возможность внушения или общения с бессознательным допрашиваемого в состоянии глубокого транса, а те инструменты, которые используют современные гипнотерапевты в самом начале сеанса [Королев, В. А., 2015], при установлении раппорта [Гордеев, М. Н., Евтушенко, В. Г., 2003, с. 49–54] и наведении транса, в том числе «подстройка» и использование особенного «языка» для общения с пациентом [Беккио, Ж., Жюслен, Ш., 1997, с. 21–29]. Можно предположить, что эти инструменты хорошо подходят, например, для установления психологического контакта с допрашиваемым [Юрова, К. И., Сергеева, Е. С., 2018] и применять их могут не только специалисты¹ – лица, обладающие специальными знаниями в области психологии и психиатрии, но и сами следователи.

Результаты исследования

Для начала попробуем сравнить сеанс гипноза и допрос и найти сходные черты. Идея такого сравнения может показаться странной. Эти явления принадлежат к разным областям научного знания: психологии и криминалистике, и разным сферам профессиональной деятельности: оказанию медицинской и психологической помощи и расследованию преступлений. Задача терапевта – вылечить пациента или, по крайней мере, облегчить его страдания, а задача следователя – расследовать преступление. Обычно пациент сам приходит к психотерапевту и платит за сеанс деньги. В то время как следователю чаще всего приходится приложить усилия, чтобы вызвать на допрос человека, который этому не рад.

Сопоставимы ли эти явления в принципе? Да, поскольку и то и другое – особая форма коммуникации между профессионалом (терапевтом или следователем) и непрофессионалом, обычайством (пациентом или допрашиваемым). При этом профессионал обладает специальными знаниями (в области психологии или криминалистики), которые он применяет в ходе коммуникации, и использует свои коммуникативные навыки для достижения профессиональной цели, но лично не вовлечен в проблему. А непрофессионал изначально находится в некотором роде в зависимом положении, в положении ведомого и лично вовлечен в проблему (пациент имеет психологическую проблему, страдает от боли и т. д.; допрашиваемый либо пострадал от преступления, либо стал его свидетелем, подозревается/обвиняется в его совершении). А сама коммуникация, хотя и может выглядеть свободным

¹ Статья 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.).

общением, на самом деле довольно жестко регламентирована: сеанс терапии – законодательством, регулирующим оказание медицинских услуг, той или иной психотерапевтической методикой, профессиональной этикой; допрос – уголовно-процессуальным законодательством, криминалистической тактикой, профессиональной этикой.

Такая формально схожая структура двух анализируемых явлений дает почву для сравнения. Целесообразно обозначить основные черты каждого из них, а затем перейти к поиску сходства.

Начать нужно с сущности современного гипноза. В отличие от классического гипноза, современный, или эриксоновский – от имени его создателя Милтона Эриксона, гипноз является недирективным, не требует погружения пациента в глубокий сомнамбулический транс, не связан с подавлением воли гипнотизируемого и прямыми внушениями. Вместо этого на первый план выходит сам пациент с его убеждениями, мыслями, жизненным опытом. Терапевт создает для пациента благоприятные условия для изменений, но основную работу тот проделывает сам на основе своих внутренних ресурсов, к которым он получает доступ во время сеанса [Гордеев, М. Н., 2014]. В эриксоновском гипнозе нет унифицированного подхода к наведению транса и утилизации, нет единого сценария, набора слов или жестов. Все это терапевт подбирает индивидуально, оценивая особенности личности пациента.

В дальнейшем терапевтические принципы М. Эриксона продолжали развиваться, и, опираясь на них, Ж. Беккио разработал новый вид терапии – терапию активации сознания. В основе терапии активации сознания лежит психодинамическая, или постэриксоновская, гипнотерапия, а также нейронауки, психология развития и философия. Это терапевтическое направление уже показало свою эффективность при работе со многими заболеваниями и расстройствами, например с паническими атаками [Заводов, А. О., и др., 2021].

Здесь техника наведения транса все более упрощается, потому что сам транс воспринимается как естественное состояние, в которое человек и так периодически впадает в течение дня. Такой транс считается терапевтическим сам по себе, даже без метафор и внушений. Акцент сделан не на сознании, а на внимании пациента: для достижения целей терапии не нужно «сужать» или «отвлекать» сознание – нужно переключить фокус внимания, которое в каждый момент времени может быть сосредоточено только на чем-то одном². Такой транс сравнивается с состоянием осознанности или медитации, когда человек сосредоточен на состоянии здесь и сейчас, с состоянием «тишины» [Мастер Ши Янбин, 2015].

Это очень важное замечание в контексте исследуемой темы. У сотрудников правоохранительных органов и суда само слово «транс» вызывает негативные ассоциации и чувство протеста, придает гипнозу мистический окрас и делает его непригодным для получения доказательственной информации – разве что в самых крайних случаях. Важно понимать, что методы

² Вольняков В., Болсун С. Интервью с д-ром Ж. Беккио (июль 2018). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IvMvM7LUZZI>.

и принципы современного гипноза и активации сознания не предполагают погружение пациента в такое состояние, когда он лишается свободы воли и будет беспрекословно выполнять любые нелепые указания гипнотизера (такая картинка возникает в воображении благодаря деятельности эстрадных гипнотизеров [Япко, М., 2013, с. 43–73]).

«Показания, данные в состоянии транса» и «показания, данные в состоянии осознанности» – это разные понятия. Для того чтобы изменить позицию Верховного Суда Российской Федерации в отношении использования гипноза для расследования преступлений, необходима серьезная работа по уточнению и унификации используемой терминологии. А для этого сами определяемые понятия и стоящие за ними явления нуждаются в дополнительных исследованиях с использованием последних достижений в области нейронаук и инструментальных методов изучения мозга и психических процессов. Такой подход к изучению феномена гипноза был предложен и предсказан еще И. П. Павловым³, но и сейчас далек от завершения.

Итак, терапия с использованием методов современного гипноза и активации сознания во главу угла ставит пациента со всеми его особенностями, потребностями и ресурсами. В усредненном гипнотерапевтическом сеансе можно выделить несколько этапов:

- объяснение природы гипноза, его демистификация, ответы на вопросы пациента, определение цели сеанса;
- наведение гипнотического состояния (транса);
- ведение, задействование воображения;
- внушения, направленные на устранение определенных симптомов или достижение определенных целей;
- завершение процедуры: реориентация, инструкции по самогипнозу [Королев, В. А., 2015].

При этом началом терапии является установление особых взаимоотношений между терапевтом и пациентом, особого уровня взаимопонимания. Такое взаимопонимание принято называть раппортом. Раппорт – это гармоничные отношения, для которых характерны согласие, взаимопонимание и сочувствие [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 9–16]. В отсутствие раппорта наведение, ведение и внушения будут практически невозможны.

В рамках криминалистической тактики допрос также подразделяется на несколько этапов:

- подготовительный, на котором осуществляются изучение личности будущего допрашиваемого, выбор места и времени его проведения, способа вызова на допрос, определение предмета допроса и подлежащих применению тактических приемов;
- рабочий этап, который состоит из трех стадий: установление психологического контакта, свободный рассказ, когда допрашиваемому предлагается самому изложить все, что он считает нужным по поводу предмета допроса, и стадия вопросов и ответов, которая начинается с вопросов, требующих развернутого ответа, а заканчивается вопросами с ответами «да» или «нет»;

³ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 1). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SEuqlQoNAI&list=PLnx9DYvPq8I80fSxuRnzxZH9RHt1kE0NS&index=1>.

- фиксация хода и результатов допроса;
- анализ полученных показаний.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) следователь до начала допроса обязан разъяснить допрашиваемому лицу его права, обязанности и ответственность (п. 5 ст. 164).

Следует отдельно пояснить, что под установлением психологического контакта с допрашиваемым в криминалистике понимаются, во-первых, установление атмосферы доверия и взаимопонимания и, во-вторых, обоюдная заинтересованность в даче правдивых показаний [Аверьянова, Т. В., и др., 2023]. Важно почеркнуть, что речь идет именно о взаимопонимании (т. е. не только следователь должен понимать допрашиваемого, но и допрашиваемый – следователя) и об обоюдной заинтересованности (не только допрашиваемый должен быть заинтересован в даче полных и правдивых показаний, но и следователь – в получении объективной информации, в установлении истины). Нередко эта деталь упускается из виду и установление психологического контакта понимается следователем однозначно. И это часть более широкой проблемы – восприятия следователем остальных участников процесса в качестве объектов, «в отношении которых» проводится следственное действие, а не таких же субъектов, как он сам, наделенных не только определенными законодательством правами и обязанностями, но и личностью. Увидеть в свидетеle, потерпевшем, подозреваемом или обвиняемом человека, а не просто процессуальный статус представляется первым и важнейшим шагом к повышению эффективности расследования в целом и допроса в частности.

Теперь, когда основные характеристики обоих анализируемых явлений описаны, будет удобно привести черты сходства в виде таблицы.

Таблица 1

Черты сходства	Сеанс современного гипноза и активации сознания	Допрос
Участники коммуникации	Профессиональный, обладающий специальными знаниями – психотерапевт. Непрофессиональный, зависимый от профессионального – пациент	Профессиональный, обладающий специальными знаниями – следователь. Непрофессиональный, зависимый от профессионального – допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый)
Регулирование	Законодательство о здравоохранении и оказании психологической помощи Этический кодекс Методика терапии, научные основы	Уголовно-процессуальное законодательство Криминалистический принцип этичности Тактические рекомендации, научные основы
Этапы	Вводные указания, объяснение природы гипноза, его демистификация, ответы на вопросы пациента	Разъяснение прав, обязанностей, ответственности и порядка проведения допроса
	Подстройка, установление доверия, раппорта	Установление психологического контакта
	Задействование воображения (воображение безопасного и приятного для человека места с активацией всех репрезентативных систем)	Поощрение к свободному рассказу и использование тактических приемов активизации памяти (когнитивное интервью, использование ассоциативных связей)

Черты сходства	Сеанс современного гипноза и активации сознания	Допрос
	Завершение процедуры: реориентация, инструкции по самогипнозу	Завершение процедуры: ознакомление с протоколом, его подписание, просьба связаться со следователем при появлении новых воспоминаний (для свидетеля и потерпевшего)
Место проведения	Кабинет психотерапевта. Взаиморасположению терапевта и пациента уделяется особое внимание. Современный подход требует, чтобы они сидели напротив друг друга, чтобы подчеркнуть их равенство, исключить доминирование терапевта	Кабинет следователя. Взаиморасположению следователя и допрашиваемого уделяется особое внимание: следователь должен иметь возможность наблюдать за невербальным поведением допрашиваемого, обычно между ними стол, закрывающий нижнюю часть туловища, и этого рекомендуется избегать. Современный подход требует, чтобы они сидели напротив друг друга без препятствий
Язык общения	Языку общения уделяется особое внимание. Он образный, многоуровневый, с использованием метафор. При этом рекомендуется также использовать язык пациента: подстраиваться под его уровень и словарный запас, обусловленный жизненным опытом и профессией	Языку общения уделяется особое внимание. Рекомендуется также использовать язык допрашиваемого: подстраиваться под его уровень и словарный запас, обусловленный жизненным опытом и профессией. При этом в значительной степени используется казенный, протокольный язык

В табл. 1 приведены только черты сходства (более или менее сильного), так как различие представляется очевидным. Дальнейший анализ покажет, что те черты, которые на первый взгляд выглядят совершенно различными, на самом деле имеют точки сближения. Например, наведение транса во время гипноза представляется недопустимым. Однако далее будет показано, что в некоторой степени и это средство тоже может быть использовано следователем.

Самый очевидный феномен, сближающий сеанс современного гипноза и активации сознания с допросом, – *рэппорт*, или установление психологического контакта, как принято говорить в криминалистической тактике. По сути это действительно одно и то же, поэтому следователь может напрямую заимствовать принципы и методы установления rapporta с пациентом для установления психологического контакта с допрашиваемым без каких-либо модификаций (см. рис. 1).

Сходство других черт не так сильно. Оно явно присутствует, но есть и существенные различия. Значит, отдельные приемы и методы нельзя применять напрямую, они требуют некоторых изменений.

Рис. 1

В научной литературе по криминалистике можно найти множество тактических приемов, рекомендуемых для установления психологического контакта. Большинство из них сводятся примерно к следующему: возбудить интерес к общению; использовать логическое убеждение (например, в неизбежности наказания); воздействовать на эмоции: возбудить чувство раскаяния, стыда, чести, гордости; воздействовать на положительные стороны допрашиваемого; разъяснить предусмотренные законодательством благоприятные и неблагоприятные последствия [Зверев, В. О., и др., 2019]. То есть следователю предлагается так или иначе воздействовать на допрашиваемого, сделать что-то в отношении него. Такой подход, как представляется, является следствием описанной выше объективации допрашиваемого, отношения к нему не как к такому же человеку, а как к «процессуальному лицу», характеристика которого определяется законодательно закрепленными правами и обязанностями, а не особенностями личности, переживаниями, жизненным опытом и т. д.

Однако прежде чем пытаться как-то воздействовать на человека, стоит к нему присмотреться, понять его. Именно с этого начинается гипнотерапия: прежде чем применять внушение, прежде чем наводить транс, терапевт старается узнать своего пациента, «подстроиться» к нему. Следует отметить, что и в криминалистической литературе можно встретить рекомендации по «подстройке» к допрашиваемому на этапе установления психологического контакта [Галустьян, О. А., Белоусов, А. Д., Реуцкая, И. Е., 2006], и это показывает положительные тенденции по сближению и взаимопроникновению наук.

Предлагается осуществлять подстройку к положению тела, к движениям (мимике и жестам), к дыханию и к голосу. Этот процесс «подстройки» (или «отзеркаливания») осуществляется благодаря имеющимся у нас зеркальным нейронам, отвечающим за обучение и адаптивность нашего поведения. Смысл работы зеркальных нейронов в том, чтобы повторять мышечную активность другого организма и учиться, наблюдая за его движениями. Существуют двигательные зеркальные нейроны, расположенные в любой доле мозга, и зеркальные нейроны эмпатии, сопереживания, расположенные в височной коре и миндалине [Дубынин, В. Н., 2021, с. 359–364]. Помимо зеркальных нейронов, связанных с движениями и с эмоциями, существует система, которая отзеркаливает к нам в мозг личность и стиль поведения другого человека. Благодаря этому становится возможным предсказание поведения, реакций, намерений других людей⁴.

С работой этой системы можно связать и «подстройку» более высокого уровня, чем та, о которой говорилось выше. Это подстройка к образу мышления (по репрезентативным системам – визуал, аудиал, кинестетик), к убеждениям и жизненным ценностям, к личному опыту (профессиональные, культурные, бытовые интересы) [Сазыкин, А., 2019, с. 29–41]. Такая подстройка требует сознательного, внимательного наблюдения за тем, что

⁴ Дубынин В. Н. Мозг и зеркальные нейроны. URL: <https://postnauka.ru/video/89453>.

и как человек напротив делает и говорит, а также желание понять, почему он так себя ведет и что чувствует.

Ж. Беккио упоминает, что за время своей терапевтической практики он узнал более чем о двух тысячах профессий [Беккио, Ж., Росси, Э., 2003, с. 13], о которых рассказали ему пациенты. Он слушал их очень внимательно, вникая в особенности их языка и мышления, чтобы затем использовать эти знания для установления rapporta, наведения транса и создания оптимальных метафор для внушения. Он не пытался навязать пациентам свой – очень правильный, грамотный, научный – язык и представления о мире, а, наоборот, подстраивался под них, но не ради манипуляции, а для того, чтобы действительно лучше понять человека перед собой.

Следователю, как представляется, следует так же поступать в начале стадии установления психологического контакта.

Зеркальные нейроны – важнейший эволюционный механизм, необходимый для выживания и приспособления. Если человек вместо того, чтобы смотреть на клиента, пациента, ученика или допрашиваемого как на личность, начинает видеть в нем абстрактный объект, это указывает на слабую работу зеркальных нейронов. Чувствительность зеркальных нейронов – врожденная. У некоторых людей эта система работает лучше, чем у других. Однако ее можно развить путем тренировок⁵. Чтобы повысить эффективность работы своих зеркальных нейронов и, соответственно, уровень эмпатии, нужно начать с себя. Первый шаг на пути к эмпатии – научиться находить общий язык с самим собой и описывать свои мысли и чувства, когда с вами что-то произошло. Второй шаг – поставить себя на место другого, «побыть в его шкуре», представить, что бы вы почувствовали на его месте. Третий шаг – это переход от вопроса «Что я сделал бы в этой ситуации?» к вопросу «Почему этот человек поступил именно так?» [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 94–100].

Главная задача подстройки – именно rapport, т. е. установление подлинно доверительных отношений. Необходимость в rapportе между терапевтом и пациентом не вызывает сомнений. Наверное, большинство легко согласится и с необходимостью rapportа между следователем и потерпевшим и свидетелем. Но как быть с подозреваемым и обвиняемым? Автор одного из исследований по установлению психологического контакта с допрашиваемым прямо говорит в завершение своей работы: «Нет четкого понимания, как выстраивать доверительные отношения с подозреваемыми, например, в совершении преступлений террористической или экстремистской направленности» [Зверев, В. О., и др., 2019, с. 224].

Ответ на этот вопрос можно найти в работах по психологии, что еще раз подчеркивает актуальность именно междисциплинарных исследований.

Вот как описывается допрос подозреваемого в терроризме. Этот подозреваемый допрашивался неоднократно и всякий раз не эффективно, пока следователь, до того только наблюдавший и присутствовавший в комнате для допроса в качестве помощника, а не ведущего, не нашел нужный подход.

⁵ Дубынин В. Н. Мозг и зеркальные нейроны.

«— Итак... Хорошенько подумайте, прежде чем ответить (пауза). Почему я должен сегодня с вами говорить?»

— Я полагаю, в день, когда мы вас арестовали, вы хотели убить курсанта полиции (он снова замолчал, глубоко вздохнув). Я не знаю подробностей того, что вы намеревались сделать, почему вы считали это необходимым или чего вы хотели добиться. Только вы все это знаете, Диола (еще одна пауза)... Я хочу узнать об этом не для того, чтобы доставить удовольствие своему начальнику, а чтобы защитить людей. Я не могу заставить вас говорить – и не хочу заставлять. Если хотите, расскажите об этом, а если нет, то не надо. Вам решать.

— Прекрасный ответ, — сказал Диола, расплывшись в улыбке. — Поскольку вы были внимательны ко мне и отнеслись с уважением, да, теперь я все расскажу. Но только для того, чтобы помочь вам понять, что на самом деле происходит в этой стране» [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 289–295].

Как следователь в конце концов завоевал доверие подозреваемого и получил желаемую информацию? Во-первых, он не прибегал к манипуляциям или уловкам, общение было искренним и честным, и в этом проявлялось уважение к допрашиваемому: «Вы здесь, потому что я подозреваю, что вы хотели убить курсанта полиции». Во-вторых, следователь подчеркнул чувство независимости подозреваемого, который в этом остро нуждался: «Только вы все это знаете». В-третьих, он признал свое собственное невежество и попросил совета: «Я не знаю подробностей того, что вы намеревались сделать, почему вы считали это необходимым или чего вы хотели добиться. Я хочу, чтобы вы помогли мне понять». Следователь наблюдал за допрашиваемым на протяжении предыдущих неудачных попыток допроса и понял, что тот жаждет подчеркнутого уважения и возможности выступить в роли ментора, и дал подозреваемому именно такое общение.

Даже при допросе подозреваемого и обвиняемого в терроризме необходимо рапорт, чтобы общение было эффективным. Для начала необходимо увидеть в допрашиваемом человека. Если это не отвечает личным убеждениям следователя, складу его характера, особенностям работы зеркальных нейронов, то ему следует обратиться за помощью к своей профессиональной компетенции, которая безусловно включает в себя знание конституционных и уголовно-процессуальных норм, устанавливающих запрет на пытки, насилие и другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение и подчеркивающих, что ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности⁶.

⁶ См. статью 21 Конституции Российской Федерации: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». См. также ст. 9 УПК РФ: «В ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению».

А затем необходимо придерживаться нескольких *принципов, облегчающих установление rapporta* не только с подозреваемыми в терроризме, но и вообще со всеми [Элисон, Э., Элисон, Л., 2021, с. 156].

Первый принцип – *честность*: нужно быть максимально честным, насколько это возможно. Но это не означает, что следователь должен раскрывать перед допрашиваемым все карты – сразу сообщить обо всех собранных по делу доказательствах, не оставляя себе места для маневра. И не означает также, что следователь должен пренебречь тайной следствия, нормами процессуального законодательства, определяющими, в какой степени каждый из участников расследования может быть знаком с материалами уголовного дела, или безопасностью осведомителей. Например, на вопрос подозреваемого: «Кто меня сдал?» честным ответом будут не контактные данные лица, предоставившего информацию, а ответ: «Я не могу назвать Вам имя, поскольку боюсь, что этот человек может пострадать». Также этот принцип предполагает прямоту но не резкость. Не стоит говорить потерпевшему: «Ну и отдали же Вас. Теперь пару месяцев в больнице проваляетесь», – это не честность, а хамство.

Второй принцип – *эмпатия*. Необходимо попытаться взглянуть на человека объективно и понять, почему он ведет себя именно так, выявить его основные ценности и убеждения из его собственных слов. Внимательно слушать, при этом не осуждая и не поддакивая.

Третий принцип – *независимость*. Следует предоставлять людям выбор везде, где это возможно, давать возможность самим решать, какой выбор правильный, обсуждать ситуацию на равных, а не агрессивно навязывать свое мнение. Особенно это важно при установлении rapporta с потерпевшим, пережившим насилие, – сексуальное, физическое, психологическое. В этом случае важной составляющей установления психологического контакта будет возвращение допрашиваемому чувства контроля над собственной жизнью, которого он лишился в результате преступления. «Начните рассказывать, когда будете готовы» – это уже предоставление выбора и возвращение контроля, хотя и в такой мелочи, но это важно. О том, как можно подчеркнуть независимость подозреваемого, говорилось в примере с допросом террориста.

Четвертый принцип – *отражение*. Необходимо внимательно слушать допрашиваемого и отражать ключевые моменты, что позволит лучше понять мысли и чувства человека напротив. Стоит отметить, что этот принцип играет заметную роль не только в установлении психологического контакта, но и на стадии свободного рассказа, поскольку отражение помогает развить разговор и вывести его на новый уровень.

Выделяют несколько видов отражения.

Стандартное отражение – прямое и часто дословное повторение сказанного. Здесь важно выбрать правильное слово или фразу для отражения – то, о чем следователь хочет узнать больше.

Например:

Допрашиваемый (Д): Мы перешли мост и потом зашли в лес (пауза).

Следователь (С): И потом вы зашли в лес?

или

Д: Я не хочу вспоминать, что было в этот день!

С: Вы просто не хотите вспоминать, что произошло?

В обоих случаях следователь мог бы вместо отражения задать уточняющий вопрос («И что же случилось дальше?» или «Почему Вы не хотите вспоминать?»), но это означало бы, что следователь нетерпелив, не готов встать на позицию допрашиваемого и дать ему самому продолжить рассказ. Это также означало бы окончание свободного рассказа и переход к стадии вопросов и ответов, однако чем дольше длится свободный рассказ, тем больше информации можно получить как по предмету допроса, так и о самом допрашиваемом. Следователю стоит более продолжительное время оставаться наблюдателем, больше слушать, а не говорить.

Отражение противоречия, которое человек ощущает сам. Можно представить допрашиваемому два противоположных взгляда, эмоции или факта. При этом нужно иметь в виду, что второе лицо, скорее всего, обратит больше внимания на то, что прозвучит последним.

Д: Я знаю, что должен Вам все рассказать, но мне кажется, что Вы мне не поверите.

С: То есть, с одной стороны, Вы боитесь, что Вам не поверят, но, с другой стороны, понимаете, как важно все рассказать?

«Нет спорам». Вместо того чтобы вступать в спор или обосновывать свою позицию, следователю предлагаются не возражать и исследовать утверждение с помощью отражения. Можно использовать утверждения вроде «Получается, Вы говорите, что...» или «Можете рассказать об этом подробнее?».

Д: Я точно помню, что часы с моей руки сорвал Петров, а не Иванов!

С (зная, что часы были изъяты у Иванова): Получается, Вы уверены в том, что именно Петров сорвал с Вас часы? Вы не могли бы подробнее рассказать о том, как это произошло?

Аффирмация – акцент на положительные стороны и игнорирование отрицательных. Здесь важно не дойти до абсурда или цинизма, в первую очередь при общении с потерпевшим. Чувство юмора может иметь благотворное воздействие, если не переходит в сарказм.

Д: Он схватил меня за шею и потащил вперед, я отбивалась как могла, но он был сильнее. Это было ужасно!

С: Вы отбивались! Это очень хорошо. На Ваших руках могли остаться следы ДНК преступника, а на нем – следы от Ваших ногтей. Расскажите подробнее, как именно это происходило.

Развернутая мысль – сказанное отражается, резюмируя или подчеркивая более глубокие чувства или ценности, которые, по мнению следователя, могут скрываться за словами. Например: «Судя по тому, что Вы говорите, Н очень важна для Вас». Будет еще эффективнее, если затем задать ключевой вопрос, который переведет разговор к следующей теме. Это также важно не только для установления психологического контакта, но и при переходе от свободного рассказа к стадии вопросов и ответов.

Д: Какой смысл пытаться вспомнить, как он выглядел, вы все равно его не поймаете!

С: Значит, Вы думаете, что могли бы вспомнить, как выглядел преступник, но не видите смысла этого делать, потому что не верите в его поимку? Как Вы думаете, что могло бы помочь его найти?

Таким образом, как гипнотерапевт перед наведением транса и осуществлением внушения должен установить раппорт с пациентом, т. е. достичь с ним определенного уровня доверия и взаимопонимания, так и следователь должен начинать допрос с установления психологического контакта с допрашиваемым, что, по сути, также является раппортом. Причем процессуальный статус допрашиваемого не имеет для этого значения. Выше приведены заимствованные из психологии приемы и принципы, которые может использовать и следователь.

Сеанс гипноза и терапии активации сознания начинается с того, что терапевт разъясняет пациенту сущность и принципы того, что будет происходить далее, отвечает на вопросы пациента о методике лечения и о том, на какие результаты можно рассчитывать, вместе с пациентом формулирует цель сеанса. Терапевт использует это время для того, чтобы лучше узнать пациента и «подстроиться» к нему.

Перед началом допроса следователь обязан разъяснить допрашиваемому его права, обязанности и ответственность, а также порядок проведения допроса. Обычно эту формальную процедуру оставляют за рамками тактики допроса, будто можно сначала сухо, на автомате разъяснить нормы уголовно-процессуального законодательства, а потом щелкнуть кнопкой, включить человеческое общение и приступить к реализации тактических приемов. Представляется, что к этой процедуре следует относиться так, как делает это гипнотерапевт: включить ее в этап установления психологического контакта и использовать, чтобы лучше узнать допрашиваемого, «подстроиться» к нему, установить рапорт. Для этого нужно разъяснить права и обязанности так, будто следователь действительно хочет, чтобы допрашиваемый понимал свое положение и то, что будет происходить дальше, и готов ему в этом помочь. А не так, будто это рутина, которая только отнимает драгоценное время следователя и отвлекает от действительно важных дел.

Итак, следователь может использовать приемы и принципы современного гипноза и активации сознания, используемые терапевтом для установления раппорта с пациентом, для эффективного установления психологического контакта с допрашиваемым в начале допроса. Отдельные приемы, в первую очередь связанные с «отражением», могут применяться для поощрения свободного рассказа допрашиваемого и для перехода от свободного рассказа к стадии вопросов и ответов.

Есть ли в гипнотерапии другие приемы и принципы, которые следователь может использовать для повышения эффективности допроса? Представляется, что одним из них является особый язык гипнотерапевта.

В одной из своих лекций Ж. Беккио рассказывал⁷, как повлияло на пациентов изменение одной лишь дежурной приветственной фразы медсе-

⁷ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 1).

стер, работавших в его отделении. Раньше медсестра, заходя к пациенту в палату для укола, говорила: «Здравствуйте! Я сделаю Вам укол. Не бойтесь, это совсем не больно». И после этого пациентам сразу становилось и страшно, и больно, потому что подсознание пропускает мимо частицу «не» и воспринимает сигналы «укол», «бойтесь», «больно». Тогда Ж. Беккио дал указание заменить эту фразу следующей: «Здравствуйте! Я здесь, чтобы сделать процедуру, которая Вам хорошо знакома. Она необходима для Вашего выздоровления. После нее Вы почувствуете себя лучше». И после этого, как бы удивительно это ни звучало, пациенты действительно сообщали, что укол был безболезненным. В этой новой фразе нет триггеров, запускающих реакцию страха и боли. Наоборот, слова «хорошо знакома», «выздоровление», «почувствуете себя лучше» подают подсознанию позитивные сигналы.

Следователь на допросе не может полностью избежать негативно окрашенных слов, в какой-то момент они так или иначе прозвучат. Однако представляется вполне возможным не использовать их с самом начале допроса при установлении психологического контакта, а затем использовать минимально и по возможности заменять нейтральными.

Конечно, есть случаи, когда это недопустимо, например при разъяснении предъявляемого обвинения⁸. В этой ситуации необходимо строго придерживаться норм и языка уголовно-процессуального и уголовного законодательства, потому что обвиняемый должен четко и однозначно понимать, в чем его обвиняют, чтобы иметь возможность защищаться.

Однако есть и другие ситуации, когда замена негативно окрашенных слов на позитивные вполне допустима. Например, когда следователю необходимо допросить свидетеля, который боится давать показания, или потерпевшего, пережившего насилие.

Представим ситуацию, когда потерпевшая в результате разбойного нападения оказалась в больнице. Ее физическое состояние не препятствует допросу, поэтому врач его разрешил. Однако в действительности она не может сказать ни слова о том, что с ней произошло.

Следователь мог бы сказать: «Я вижу, как Вам плохо. В отношении Вас совершено ужасное преступление. И если Вы хотите наказать виновных, Вы должны начать говорить». И в этом случае потерпевшая услышит: «плохо», «ужасное преступление», «должны». Эти слова, во-первых, снова заставляют потерпевшую переживать ту травмирующую ситуацию, во-вторых, ничуть не способствуют возвращению ей чувства контроля над ситуацией, которое является одним из важнейших условий установления психологического контакта.

В этой ситуации следователю нужно остерегаться не только «пугающих» слов, но и другой крайности: «Вижу, Вам уже гораздо лучше! Давайте обсудим этот небольшой инцидент, который произошел с Вами. Просто расскажите мне, как все было». Если следователь скажет что-то подобное, то это будет звучать как игнорирование проблемы, обесценивание страданий потерпевшей. Такой подход также не поможет начать общение.

⁸ См. статью 172 УПК РФ.

Более эффективной кажется фраза: «Я понимаю Ваше состояние. Могу ли сделать что-то для Вас прямо сейчас? Я здесь, чтобы Вам помочь. Ваши показания очень важны, чтобы понять, как это сделать. Расскажите все как можно подробнее, когда будете готовы». Таким образом следователь проявляет эмпатию («понимаю») и физическую заботу (предложение сделать что-то прямо сейчас – открыть окно, принести воды), показывает значимость потерпевшей и ее слов («очень важны»), демонстрирует свои дружелюбные намерения («понять», «помочь»), возвращает ощущение контроля («расскажите, когда будете готовы»).

Правильно выбирать слова нужно и при работе со свидетелем, который не желает давать показания либо потому, что боится, либо потому, что в принципе негативно настроен по отношению к правоохранительным органам. В первом случае нужно избегать слов «страх», «бояться» («Ваш страх понятен, но бояться нечего», «Ничего не бойтесь», «Конечно, Вам страшно, а представьте, каково жертвам!») и использовать слова «защита», «надежный», «уверенность», «сила» («Я уверен, в наших силах обеспечить Вам надежную защиту»). Во втором случае нужно помнить, что за один допрос невозможно изменить негативное отношение человека к системе, которое складывалось годами. Вместо этого следователь должен отделить себя от системы, просить доверять не правоохранительным органам в целом – только самому следователю. При этом слова «доверять», «надежный», «сила» будут также уместны.

Выше показано, что есть ситуации, в которых манипулировать словами с подозреваемым или обвиняемым запрещено. Но это не значит, что этот принцип вообще к ним не применим. Во всех случаях, когда речь не идет о разъяснении конкретных правовых норм, следователю также стоит обращать внимание на позитивную и негативную окрашенность используемых слов и выбирать нужные. Так, лучше избегать слов вроде «безвыходный», «бесполезный», «страх», «стыд» и т. д. И чаще обращаться к словам «доверие», «уважение», «достоинство», «правда», «помощь» и т. д.

Помимо особого отношения к использованию отдельных слов язык гипнотерапевта в целом описывается как образный, поэтичный. Одним из важнейших инструментов трансовой работы в современной гипнотерапии является метафора [Абросимова, Ю. А., 2015]: пациенту под гипнозом рассказывается история, в которой иносказательно отражается проблема пациента и предлагается ее решение. Может ли следователь использовать этот инструмент на допросе? Да, это вполне возможно: метафора может быть использована при реализации отдельных тактических приемов.

Представим следующую ситуацию. Пожилой мужчина стал жертвой нападения грабителей, которые нанесли ему телесные повреждения и похитили имущество. В своих показаниях он преувеличивает оказанное грабителям сопротивление и их габариты, поскольку всю жизнь привык полагаться на собственные силы и теперь ему стыдно за то, что он оказался в беспомощном положении и не смог постоять за себя. Также он не очень хорошо помнит, кто именно из грабителей какие действия совершал, однако вместо того, чтобы сказать об этом прямо или попытаться вспомнить, он с уверенным видом рассказывает придуманную историю, чтобы не показаться «забывчивым стариком».

Какую тактику следует избрать следователю, чтобы добиться правдивых показаний? Есть ли смысл указывать на логические противоречия или на бессмысленность занятой позиции, напоминать об ответственности [Аверьянова, Т. В., и др., 2023], т. е. подчеркивать недоверие к показаниям? Нет, это только усугубит ситуацию. Потерпевший почтует себя загнанным в угол и начнет защищаться, ему будет еще сложнее признать, что он что-то забыл или, тем более, приукрасил либо преувеличил.

В этом случае более эффективным будет такой тактический прием, как воздействие на положительные стороны допрашиваемого. Но как его реализовать? Возможно, следователю стоит рассказать историю о похожем случае из своей практики, в которой также произошло нападение на по-жилого, но очень сильного человека, с прочным внутренним стержнем. Пережив нападение, этот человек был подавлен и сбит с толку, поскольку не привык быть беспомощным. Однако, поразмыслив над ситуацией, он понял, что не в силах изменить прошлое, то, что с ним уже произошло, но вполне может повлиять на будущее. Вспомнив как можно больше деталей произошедшего – потому что для расследования любая деталь может оказаться решающей – и подробно рассказав обо всем следователю, ничего не утаивая и не приукрашивая, он помог найти преступников и тем самым сделал свой город более безопасным местом для жизни. Именно в этом и заключается настоящий геройзм, – может добавить следователь.

Рассказывая эту историю, ни в коем случае нельзя допускать сарказма или осуждения. Не стоит также ожидать мгновенного результата: возможно, допрашиваемому потребуется какое-то время, чтобы принять правильное решение и изменить свои показания. Важной частью сеанса гипноза являются слова терапевта о том, что у пациента есть достаточно времени, чтобы проделать работу, необходимую для поиска решения насущной проблемы [Беккио, Ж., Росси, Э., 2003]. Этот принцип актуален и для допроса: если следователь хочет добиться от допрашиваемого пересмотра его позиции, изменения показаний, нужно дать ему на это достаточно времени. В приведенном примере потерпевший может с раздражением сказать, что не понимает, зачем следователь ему все это рассказывает, и что эта ситуация совсем не похожа на его случай. Однако работа будет запущена, и если следователь ведет себя дружелюбно, без осуждения и не торопит с ответом, скорее всего, она даст положительный результат.

Метафора может быть использована и в реализации других тактических приемов, например «указание на противоречия между интересами допрашиваемых». Речь идет о ситуации, когда преступление было совершено группой лиц и следователь пытается склонить ее участников давать показания друг против друга. Применение этого тактического приема не всегда эффективно. Ведь следователь хочет заставить подозреваемого поверить, что его подельник, человек, с которым они долгое время общались и были на одной стороне, ему не друг и дает показания против него, а вот следователь, хотя они и находятся по разные стороны баррикад, хочет ему помочь. Как этого достичь? Обычно можно услышать такие фразы: «Твой друг там за стенкой уже дал показания против тебя» или «Твоему другу сделали такое же предложение, как тебе. Если он даст показания первым, у тебя уже не

будет шанса». Когда тебя таким образом загоняют в угол, да еще и предлагаю, образно говоря, сдать друга и перейти на сторону врага, это, вполне возможно, вызовет обратную реакцию – желание сопротивляться изо всех сил, а не сотрудничать. Представляется, что в такой ситуации более целесообразно не пытаться прямо «указывать на противоречия между интересами допрашиваемых», а использовать язык метафоры, например, рассказать историю о похожем расследовании, где второй подозреваемый пошел на сотрудничество со следствием и получил смягчение наказания.

Нужно еще раз почеркнуть, что в ситуации на допросе речь не идет именно о полноценной трансовой работе в ее классическом понимании. Следователь не осуществляет специального наведения, не обращает свою историю-метафору напрямую к подсознанию (в противном случае стоило предложить более тонкую метафору). Поскольку традиционно транс связывают с сужением сознания и утратой контроля и свободы воли, это было бы недопустимо с точки зрения действующего законодательства, даже если бы у следователя хватало для этого профессиональных знаний и навыков.

Однако следователь уже осуществил «подстройку», провел работу по установлению rapporta и правильно подбирает слова. Находится ли при этом допрашиваемый в трансе? Если считать, что транс в целом отличается от обычного состояния сознания смещением фокуса внимания с внешнего мира на внутренний (т. е. внимание направлено на образы, воспоминания, ощущения) [Гинзбург, М. Р., Яковлева, М. Е., 2008, с. 14], то по большому счету любая просьба следователя постараться вспомнить, что произошло в какой-то день, может привести к состоянию естественного транса. Именно такое понимание транса соответствует современному, эриксоновскому и постэриксоновскому подходу к гипнозу и активации сознания. И оно, конечно, требует разъяснения для представителей правоохранительных органов и суда.

В гипнотерапии особое внимание уделяется не только словам, но и позе и взаиморасположению терапевта и пациента. Подчеркивается, что если в классическом гипнозе пациент обычно лежит, а терапевт сидит или стоит рядом – и это отражало представление о доминировании терапевта, подчинении пациента его воле, то в современном гипнозе терапевт и пациент находятся в равных положениях, сидят напротив друг друга.

Об этом принципе также стоит задуматься следователю при организации места проведения допроса. Чаще всего при допросе следователь сидит за компьютером, за своим рабочим столом, а допрашиваемый – напротив него на «стульчике для посетителей». И это, кроме того, что мешает следователю в полной мере наблюдать за неверbalным поведением допрашиваемого (нижняя часть его туловища вообще скрыта под столом, а иногда даже лица не видно из-за компьютера), еще и подчеркивает неравенство, доминирующее положение следователя. Наблюдение за неверbalным поведением допрашиваемого важно для оценки достоверности его показаний. А подчеркнутое доминирование не способствует установлению психологического контакта. Поэтому лучше, если следователь и допрашиваемый будут сидеть напротив друг друга в одинаковых условиях и без преград между ними (если, конечно, это позволяют правила безопасности, которые необ-

ходимо соблюдать при допросе подозреваемого или обвиняемого, склонного к насилию и агрессии).

Гипнотерапевты обычно всегда уделяют особое внимание завершению сеанса и выводу из транса [Беккио, Ж., Жюслен, Ш., 1997]. В современном гипнозе обычно не говорят о постгипнотическом внушении, если только оно не касается установок по обучению самогипнозу. В терапии активации сознания упражнения обычно заканчиваются установками на общее улучшение состояния, бодрость и позитивный настрой⁹. Следователь не вводит допрашиваемого в глубокий транс, если и можно говорить о трансовом состоянии на допросе, то это естественный транс, возникающий и проходящий у людей естественным образом. Поэтому, казалось бы, ему не нужно применять какие-то специальные методы и принципы для возвращения допрашиваемого к обычной жизни в конце допроса. Однако допрос в любом случае оказывает существенное влияние на состояние допрашиваемого, а следователю чаще всего нужно иметь возможность повторного допроса. Поэтому отдельные принципы, используемые в гипнотерапии, все же в некоторой степени применимы и тут.

Следователь может сказать в конце допроса примерно следующее: «На этом все, Вы свободны». И эта фраза будет говорить о том, что следователь воспринимает допрашиваемого как объект, а не как человека. У допрашиваемого она может вызвать чувство, будто его использовали. Если следователю вновь придется вызвать его на допрос, всю работу по подстройке и установлению психологического контакта придется начинать заново. На самом деле это будет означать, что в действительности психологический контакт, или раппорт, не был установлен, потому что эти явления предполагают именно взаимоуважение и взаимную заинтересованность. То есть следователь все это время манипулировал допрашиваемым, создавая у него ложное чувство доверия. Если допрашиваемый почувствует это в конце допроса, он в лучшем случае больше не поведется на уловки следователя и в следующий раз предпочтет формальное общение и уж, конечно, не попытается вспомнить что-то еще. В отношениях между терапевтом и пациентом нет по крайней мере юридической зависимости: пациент может выбрать другого врача, если останется не удовлетворен общением, или другой вид терапии, или даже встать и уйти посреди сеанса. А вот допрашиваемый свидетель или потерпевший несет уголовную ответственность за отказ от дачи показаний. В такой ситуации следователю, наверное, сложнее, чем терапевту, добиться ощущения равенства. Недостаточно просто убрать стол между ними, нужно именно внутреннее стремление к равенству в общении.

Чтобы в конце допроса допрашиваемый не почувствовал себя использованным, следователь должен как минимум искренне, а не формально сказать слова благодарности: «Спасибо, что проделали такую работу. Вы действительно помогли. Ваши показания очень важны для расследования». И затем следователь может дать установку на будущее, до некоторой степени сходную с постгипнотическим внушением.

⁹ Беккио Ж. Упражнение: Терапия Активацией Сознания. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=CfOA1mCBrI4>.

Часто можно услышать что-то вроде: «Если вспомните что-то еще, позвоните». Эффект такой фразы существенно снижается из-за «если». Получается так: если вспомните что-то еще, позвоните, а если нет – то и не надо. Значит, можно и не стараться.

Представляется, что более эффективным будет такое завершение допроса: «Наш мозг так устроен, что продолжает обрабатывать информацию, даже когда нам кажется, что мы и думать об этом забыли. Самые важные ответы иногда появляются, когда разговор уже закончен. Вполне возможно, что дома Вы вспомните или поймете что-то еще. Вы можете позвонить мне, даже если это покажется мелочью. Для расследования любая мелочь может оказаться существенной».

Здесь следователь дает установку на бессознательную обработку информации, показывает, что это естественный процесс, который происходит всегда. Он не говорит: «если вспомните» – это обращение скорее к сознанию, которое вроде как должно приложить для этого усилия, а делать этого обычно не хочется. Он говорит: «Возможно, что Вы вспомните», т. е. для сознания это произойдет как бы само собой, всю работу проделает бессознательное. И заканчивает он не командой «позвоните», а словом «существенной», подчеркивая важность и самого процесса воспоминания, и всех своих слов, но при этом оставляет принятие решения за допрашиваемым.

Почему можно говорить, что эта фраза до некоторой степени сходна с постгипнотическим внушением или с позитивными установками, которыми обычно заканчивается сеанс терапии активации сознания? Потому, что если весь допрос был построен на описанных здесь принципах – следователь осуществил подстройку, установил раппорт с допрашиваемым, продуманно подбирал слова для поощрения свободного рассказа и вопросов, а допрашиваемый благодаря этому погрузился в естественный транс, характерный для сосредоточенности на воспоминаниях и внутренних переживаниях, то и эта фраза сработает как внушение. Не прямое директивное внушение классического гипноза, а мягкое, осознаваемое, добровольно принимаемое, характерное для эриксоновского и постэриксоновского гипноза.

Еще одним принципом современной гипнотерапии и терапии активации сознания, на который стоит обратить внимание при допросе, выступает особое ресурсное состояние самого терапевта. В ходе сеанса у пациента могут проявиться или усиливаться такие явления, как кашель, плач, рыдания, смех, озноб, трепор и т. д. Важно, чтобы терапевт соблюдал уверенное спокойное состояние и эффективно и своевременно утилизировал эти проявления. По реакции терапевта пациент должен понять, что все, что с ним происходит, – правильно, одобряется и является частью терапии. Такое состояние терапевта делает более эффективным сам сеанс и гарантирует возможность сохранять свою безопасность и не выгорать профессионально [Заводов, А. О., и др., 2021, с. 66–67]. От профессионального выгорания спасает также разделение личного и рабочего. Например, Ж. Беккио рассказывал, что у него есть особая фраза самовнушения, которую он произносит, когда приходит на работу, чтобы его личные проблемы не мешали

терапии, и другая – чтобы все рабочие трудности оставались на работе в конце дня и не мешали отдыху с семьей¹⁰.

Кажется, что для следователя это также весьма актуально. Проблема эмоционального выгорания [Буш, М. П., 2012] для следователя стоит ничуть не менее остро, чем для психотерапевта. Как и терапевт, следователь может столкнуться с различными эмоциональными и психосоматическими реакциями допрашиваемого в качестве отклика как на задаваемые вопросы, так и на собственные воспоминания и переживания. Следователю важно сохранять то особое ресурсное состояние, которое, с одной стороны, не будет воспринято допрашиваемым как холодность и безразличие, а с другой – не позволит сиюминутным эмоциям влиять на тактику допроса. И речь идет не только и не столько о том, чтобы контролировать внешнее проявление эмоций, сколько о гармонизации внутреннего состояния.

Таким образом, отдельные принципы и методы современного гипноза и терапии активации сознания могут быть применены на всех стадиях рабочего этапа допроса. Наибольшую актуальность они имеют для установления психологического контакта. Но могут повысить эффективность допроса и при поощрении свободного рассказа, и на стадии вопросов и ответов. Они применимы также при завершении допроса. Кроме того, их стоит учитывать следователю для самоанализа и самоконтроля, в том числе чтобы предотвратить эмоциональное выгорание в профессии.

Итак, обычно, когда говорят об использовании гипноза при расследовании преступлений, имеют в виду так называемую гипнорепродукцию – когда специалист в области гипноза вводит допрашиваемого в транс с целью активизации его памяти. Такая форма использования гипноза существует давно, и за время ее использования накопилось достаточное количество положительных примеров [Китаев, Н. Н., Китаева, В. Н., 2018] и сложились определенные правила, иногда закрепленные законодательно, иногда носящие характер тактических рекомендаций: безоговорочное согласие допрашиваемого на проведение гипноза и положительный настрой по отношению к сотрудникам правоохранительных органов; уверенность в безопасности и психологическом благополучии допрашиваемого под гипнозом; привлечение лица, имеющего специальную подготовку в области психотерапии; беспристрастная позиция и независимость лица, применяющего гипноз; обязательная видеофиксация такого допроса [Пучков, О. А., 2015].

Целесообразность такого использования гипноза на допросе дискутируется и подвергается сомнению юристами [Панчишная, Г. Е., Нестеренко, У. А., 2022], и психологами [Япко, М., 2013, с. 261–283]. Однако попытки развить именно это направление не прекращаются, периодически вызывая очередной всплеск интереса ученых и практиков. Это можно связать с двумя неверными посылками.

Первая из них – о том, что память – это шкатулка, в которой бережно и в неизменном виде хранятся абсолютно все воспоминания, а гипноз – это

¹⁰ Беккио Ж. Лекция в РАНХиГС (ч. 2). URL: https://www.youtube.com/watch?v=7QB-n2_0ewkI.

волшебный ключ. Действительно, известны случаи, и немало, когда во время или после сеанса гипноза допрашиваемый вспоминал иногда очень существенные детали о преступлении, сыгравшие важную роль в расследовании. Однако экспериментально доказано, что даже в отсутствие транса, в ничем не измененном состоянии сознания возможно внедрение ложных воспоминаний, которые будут восприниматься испытуемым как реальные, свои собственные [Найссер, У., Хаймен, А., 2005]. Очевидно, что это возможно и в ходе сеанса гипноза, причем как умышленно, так и нет. Кроме того, воспоминания не хранятся в памяти, как фотографии под стеклом, не подверженные влиянию времени и других факторов. То, что было воспринято в момент совершения преступления, затем подверглось осмыслинию, переосмыслинию и интерпретации. И затем, в ходе трансовой работы с бессознательным, допрашиваемый может сообщить не то, что он в действительности видел, слышал и чувствовал, а то, что он думает об этом на сегодняшний момент. И каких-то достоверных критериев для дифференциации истинных воспоминаний, внедренных воспоминаний и их интерпретации у гипнотерапевта нет. Не исключено, что это станет возможным в будущем, при помощи дальнейших достижений в области нейронаук и новых инструментальных технологий исследования мозга.

Все то же самое можно сказать и о других тактических приемах допроса, направленных на активизацию памяти. Как и гипноз, каждый из них может сработать. Как и в случае с гипнозом, следователь не будет на 100% уверен, что полученные показания действительно достоверны: их все равно необходимо будет проверять и оценивать в совокупности с другими доказательствами по делу. Таким образом, гипноз нельзя назвать самым эффективным средством активизации памяти. Но при этом его применение, во-первых, наиболее ресурсозатратное для следователя, поскольку связано с приглашением специалиста и соблюдением определенных условий, которые изложены выше, во-вторых, современное российское законодательство и позиция Верховного Суда Российской Федерации не позволяют использовать эти показания как доказательство по делу, они будут иметь только ориентирующее значение. То есть когда остальные тактические средства исчерпаны, а подвижек в расследовании нет, можно использовать и гипноз, но вряд ли стоит ожидать его повсеместного внедрения в правоохранительную практику как чего-то обыденного.

Вторая неверная посылка связана с мистификацией гипноза. Те, кто не занимался специально изучением гипноза, часто связывают его либо с шарлатанством (никакого гипноза вообще не существует), либо с магией (гипнотизер может полностью завладеть сознанием и волей испытуемого и заставить его делать все, что ему вздумается). Ни следователи, ни суд обычно не знакомы с современными исследованиями в области гипноза и достижениями гипнотерапии и терапии активации сознания, не понимают природу транса. Эти знания не входят в их профессиональную компетенцию, поэтому вполне понятно, что они пользуются обыденными, обывательскими представлениями об этих сложных явлениях. Нужно отметить, что научная обоснованность даже официально признанной судебно-психологической экспертизы иногда вызывает сомнения, поскольку психоло-

тическим знаниям в структуре юридического образования не всегда уделяется должное внимание. При таком восприятии слова «гипноз», «активация сознания», «транс» вызывают обычно негативные эмоции: «мы не понимаем, что это и как это работает, значит, лучше это не использовать». На самом деле консерватизм представителей правоохранительных органов и суда понятен и в некоторой степени оправдан, поскольку им приходится принимать решения, от которых зависят судьбы людей. Эти лица должны быть уверены в своих действиях и методах, чтобы взять на себя такую ответственность.

Более перспективным представляется не развитие и расширение использования в расследовании преступлений «гипнорепродукции» – сеанса гипноза, проводимого гипнотерапевтом в присутствии следователя для активизации памяти допрашиваемого, а использование отдельных методов и принципов современного гипноза и терапии активации сознания самим следователем.

Обсуждение и заключение

В ходе настоящего исследования выделен ряд таких принципов и методов, которые вполне могут быть интегрированы в тактику допроса и стать частью профессиональной компетенции следователя. При этом важно понимать, что речь не идет о предоставлении следователю инструментов для манипуляции сознанием и действиями допрашиваемого. Любые тактические рекомендации исходят из презумпции добросовестности следователя, назначения уголовного судопроизводства¹¹ и сформулированных в криминалистике принципов допустимости тактических приемов, в том числе принципов законности и этичности. Для рекомендаций по использованию следователем в ходе допроса методов и принципов современного гипноза и терапии активации сознания это также справедливо. Кроме того, эти рекомендации исходят из актуального представления о существовании (наряду с более глубокими видами) естественного транса, для которого характерно смещение фокуса внимания с внешних факторов на внутренние переживания и воспоминания и который не связан с потерей контроля и свободы воли.

К таким принципам и методам относятся:

- технология установления раппорта – особых доверительных отношений между следователем и допрашиваемым. Для криминалистики более традиционным является термин «установление психологического контакта». Суть установления психологического контакта в том же самом – в установлении отношений взаимодоверия, взаимопонимания, обюджной заинтересованности в общении. Однако важно было рассмотреть этот процесс именно сквозь призму психологического термина «раппорт», чтобы уйти от обычного восприятия следователем остальных участников расследования в качестве объектов воздействия, а не таких же субъектов, как и он сам;

¹¹ См. статью 6 УПК РФ: уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

- использование особого языка гипнотерапии, в том числе рассказов-метафор, для более эффективного поощрения свободного рассказа допрашиваемого, перехода к стадии вопросов и ответов, реализации отдельных классических тактических приемов допроса, таких как, например, «воздействие на положительные стороны допрашиваемого», «указание на противоречия между интересами допрашиваемых»;
- использование подобия постгипнотического внушения и позитивных установок, завершающих сеанс терапии активации сознания, направленных на продолжение самостоятельной работы допрашиваемого после завершения допроса. Такая работа может быть направлена на воспоминание новых деталей события преступления или на изменение позиции относительно дачи ложных показаний или дачи показаний в принципе;
- саморефлексия следователя и поддержание особого ресурсного состояния в ходе допроса. Это, во-первых, обеспечит эффективную поддержку допрашиваемого, поможет справиться с проявлением его эмоций и использовать их на пользу допроса. А во-вторых, предотвратит профессиональное выгорание.

Приведенные здесь конкретные рекомендации, безусловно, требуют дальнейшего исследования и апробации на практике. Однако представляется, что даже общий посыл, связанный с необходимостью увидеть в допрашиваемых не объекты воздействия, а людей, а также с необходимостью обращать внимание на собственное психоэмоциональное состояние следователя, может положительно сказаться на эффективности допроса.

Список источников

Абросимова Ю. А. Виды и функции гипнотерапевтических метафор в психологическом консультировании // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 2. С. 121–144.

Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 928 с. ISBN: 978-5-91768-334-8.

Беккио Ж., Жюслен Ш. Новый гипноз: Практическое руководство. М. : Независимая фирма «Класс», 1997. 160 с. ISBN: 5-86375-087-1.

Беккио Ж., Росси Э. Гипноз XXI века. М. : Независимая фирма «Класс», 2003. 272 с. ISBN: 5-86375-051-0.

Буш М. П. Профессиональные факторы работы следователя ОВД как условия формировании синдрома эмоционального выгорания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 21–26.

Галустьян О. А., Белоусов А. Д., Реуцкая И. Е. Психология первоначального допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2. С. 31–34.

Гинзбург М. Р., Яковleva M. E. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М. : Моск. психолого-социальный ин-т, 2008. 312 с. ISBN: 978-5-9770-0397-1.

- Гордеев М. Н. Психотерапия. Недирективный эриксоновский гипноз // Живая психология. 2014. № 2 (2). С. 8–17.
- Гордеев М. Н., Евтушенко В. Г. Техники гипноза. М. : Психотерапия, 2003. 245 с. ISBN: 5-89939-093-X.
- Дубынин В. Н. Мозг и его потребности. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 572 с. ISBN: 978-5-00139-270-5.
- Евтушенко В. Г. Методы современной гипнотерапии. М. : Психотерапия, 2010. 384 с. ISBN: 978-5-903182-69-5.
- Жемкова Е. В., Литвинова С. П., Потапова Н. Л. Следственный гипноз: абсурд или реальность будущего // Word in Science. 2023. № 11. С. 6–9.
- Заводов А. О., Беляцкая А. Я., Беккио Ж., Болсун С. А. Терапия активацией сознания (ТАС) в работе клинического психолога с проблемой панических атак у пациентов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2021. № 6. С. 64–69. DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.07.
- Зверев В. О., Соколов А. Б., Половников О. Г., Кожевников В. В., Прокурова С. В. Установление психологического контакта как организационно-тактическая особенность деятельности следователя при производстве допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 2. С. 219–222.
- Кавалиерис А. Использование гипноза при опросе // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 4. С. 45–55.
- Карпенко О. А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 125–130.
- Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Применение гипноза при поисках трупа человека // Закон и право. 2018. № 12. С. 142–144.
- Королев В. А. Оптимальная структура сеанса гипнотерапии // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 205–206.
- Лаврентьева Т. В., Попова В. В. Проблемы производства допроса и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2019. № 11 (179). С. 227–229.
- Мастер Ши Янбин. Путь как счастье. Шаг 1: тишина. М. : ИНИОН РАН, 2015. 152 с. ISBN: 978-5-248-00781-3.
- Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти. М. : Олма-пресс, 2005. 640 с. ISBN: 5-93878-168-X.
- Панчишная Г. Е., Нестеренко У. А. О целесообразности использования профайлинга и гипнорепродукционного опроса в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 287–291.
- Пучков О. А. Гипноз в раскрытии и расследовании преступлений: правоприменительный аспект // Виктимология. 2015. № 3 (5). С. 29–33.

- Сазыкин А. Искусство манипулировать людьми. Эриксоновский гипноз. М. : Феникс, 2019. 109 с. ISBN: 978-5-222-32270-3.
- Смолькова И. В. Проблемы использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (94). С. 210–220.
- Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (25). С. 83–85.
- Элисон Э., Элисон Л. Раппорт. Как найти подход к собеседнику любой сложности. М. : Бомбара, 2021. 485 с. ISBN: 978-5-04-119044-6.
- Юрова К. И., Сергеева Е. С. Установление психологического контакта при допросе обвиняемых и свидетелей // Виктимология. 2018. № 3 (17). С. 63–66.
- Япко М. Трансовая работа: Введение в практику клинического гипноза. М. : Психотерапия, 2013. 720 с. ISBN: 978-5-903182-94-7.

References

- Abrosimova, Yu. A., 2015. [Types and functions of hypnotherapy metaphors in psychological counseling]. *Vestnik psihiatrii i psihologii Chuvashii* = [Bulletin of Psychiatry and Psychology of Chuvashia], 2, pp. 121–144. (In Russ.)
- Alison, E., Alison, L., 2021. *Rapport. Kak najti podhod k sobesedniku lyuboj slozhnosti* = [Rapport. How to find an approach to an interlocutor of any complexity]. Moscow: Bombora. 485 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-04-119044-6.
- Aver'yanova, T. V., Belkin, R. S., Korukhov, Yu. G., Rossinskaya, E. R., 2023. *Kriminalistika* = [Criminalistics]. Textbook. 4th ed., repr. and add. Moscow: Norma; Infra-M. 928 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-334-8.
- Beccio, J., Jousselin, Ch., 1997. *Novyy gipnoz: Prakticheskoe rukovodstvo* = [New hypnosis: A practical guide]. Moscow: Nezavisimaya firma “Klass”. 160 p. (In Russ.) ISBN: 5-86375-087-1.
- Beccio, J., Rossi, E., 2003. *Gipnoz XXI veka* = [Hypnosis of the XXI century]. Moscow: Nezavisimaya firma “Klass”. 272 p. (In Russ.) ISBN: 5-86375-051-0.
- Bush, M. P., 2012. [Professional factors of the work of an ATS investigator as conditions for the formation of an emotional burnout syndrome]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 21–26. (In Russ.)
- Cherepanov, G. G., Shmidt, A. A., 2013. [Hypnosis as an unconventional way of conducting an operational search event “survey”]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* = [Legal Science and Law Enforcement Practice], 3, pp. 83–85. (In Russ.)
- Dubynin, V. N., 2021. *Mozg i ego potrebnosti* = [The brain and its needs]. Moscow: Al'pina non-fikshin. 572 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00139-270-5.

- Galust'yan, O. A., Belousov, A. D., Reutskaya, I. E., 2006. [Psychology of the initial interrogation of the suspect]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah* = [Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies], 2, pp. 31–34. (In Russ.)
- Ginzburg, M. R., Yakovleva, M. E., 2008. *Eriksonovskij gipnoz: sistematicheskij kurs* = [Erickson's hypnosis: a systematic course]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. 312 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-9770-0397-1.
- Gordeev, M. N., 2014. [Psychotherapy. Non-directive Ericksonian hypnosis]. *Zhivaya psihologiya* = [Living Psychology], 2, pp. 8–17. (In Russ.) ISBN: 5-89939-093-X.
- Gordeev, M. N., Yevtushenko, V. G., 2003. *Tekhniki gipnoza* = [Hypnosis techniques]. Moscow: Psychotherapy. 245 p. (In Russ.)
- Karpenko, O. A., 2018. [The use of non-traditional special knowledge in exposing deliberately false testimony of witnesses and victims]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 125–130. (In Russ.)
- Kavalieris, A., 2009. [The use of hypnosis in the survey]. *Vestnik kriminalistiki* = [Bulletin of Criminalistics], 4, pp. 45–55. (In Russ.)
- Kitaev, N. N., Kitaeva, V. N., 2018. [The use of hypnosis in the search for a human corpse]. *Zakon i pravo* = [Act and Law], 12, pp. 142–144. (In Russ.)
- Korolev, V. A., 2015. [Optimal structure of a hypnotherapy session]. *Akmeologiya* = [Acmeology], 3, pp. 205–206. (In Russ.)
- Lavrent'eva, T. V., Popova, V. V., 2019. [Problems of interrogation and ways to solve them]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = [Law and the State: theory and practice], 11, pp. 227–229. (In Russ.)
- Master Shi Yanbing, 2015. *Put' kak schast'e. Shag 1: tishina* = [The way is like happiness. Step 1: Silence]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 152 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-248-00781-3.
- Neisser, U., Hyman, A., 2005. *Kognitivnaya psihologiya pamyati* = [Cognitive psychology of memory]. Moscow: Olma-press. 640 p. (In Russ.) ISBN: 5-93878-168-X.
- Panchishnaya, G. E., Nesterenko, Yu. A., 2022. [On the expediency of using profiling and hypnoreproduction survey in the disclosure and investigation of crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2, pp. 287–291. (In Russ.)
- Puchkov, O. A., 2015. [Hypnosis in the disclosure and investigation of crimes: law enforcement aspect]. *Victimologiya* = [Victimology], 3, pp. 29–33. (In Russ.)
- Sazykin, A., 2019. *Iskusstvo manipulirovat' lyud'mi. Eriksonovskij gipnoz* = [The Art of manipulating people. Erickson's hypnosis]. Moscow: Feniks. 109 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-222-32270-3.

- Smol'kova, I. V., 2020. [Problems of using hypnosis in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* = [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 210–220. (In Russ.)
- Yapko, M., 2013. *Transovaya rabota: Vvedenie v praktiku klinicheskogo gipnoza* = [Trance work: An introduction to the practice of clinical hypnosis]. Moscow: Psihoterapiya. 720 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-903182-94-7.
- Yevtushenko, V. G., 2010. *Metody sovremennoj gipnoterapii* = [Methods of modern hypnotherapy]. Moscow: Psihoterapiya. 384 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-903182-69-5.
- Yurova, K. I., Sergeeva, E. S., 2018. [Establishing psychological contact during interrogation of accused and witnesses]. *Victimologiya* = [Victimology], 3, pp. 63–66. (In Russ.)
- Zavodov, A. O., Belyatskaya, A. Ya., Becchio, J., Bolsun, S. A., 2021. Consciousness activation therapy (TAS) in the work of a clinical psychologist with the problem of panic attacks in patients. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Ser.: Poznanie* = [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition], 6, pp. 64–69. (In Russ.) DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.07.
- Zhemkova, E. V., Litvinova, S. P., Potapova, N. L., 2023. [Investigative hypnosis: absurdity or reality of the future]. *Word in Science*, 11, pp. 6–9. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Пискунова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российской государственной университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Elena V. Piskunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Forensic Expertise and Criminalistics Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 02.10.2023.

Submitted: 24.05.2023; reviewed: 08.06.2023; revised: 02.10.2023.